

Иван Тургенев

Человек в серых очках

Иван Тургенев

Человек в серых очках

«Public Domain»

1880

Тургенев И. С.

Человек в серых очках / И. С. Тургенев — «Public Domain»,
1880 — (Литературные и житейские воспоминания)

ISBN 978-5-457-13933-6

«...Однажды – дело было в первых числах февраля 1848 года – я сидел за одним из столиков, расположенных вокруг кофейной Ротонды (de La Rotonde) под навесом. Человек высокого роста, черноволосый с проседью, жилистый и сухощавый, в заржавленных железных очках со стеклышками серо-дымчатого цвета на орлином носу, вышел из кофейной, оглянулся и, вероятно, убедившись, что все места под навесом были заняты, подошел ко мне и попросил позволения подсесть к моему столику. Я, разумеется, согласился...»

ISBN 978-5-457-13933-6

© Тургенев И. С., 1880
© Public Domain, 1880

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Иван Сергеевич Тургенев

Человек в серых очках

(Из воспоминаний 1848 года)

Всю зиму с 1847 на 1848 год я прожил в Париже. Квартира моя находилась недалеко от Пале-Рояля, и я почти каждый день ходил туда пить кофе и читать газеты. Тогда еще Пале-Рояль не был таким почти заброшенным местом, каким он стал теперь, хотя дни его славы уже давно миновали, той громкой и особенной славы, которая, бывало, влагала в уста нашим ветеранам 1814 и 1815 годов, при первом свидании с человеком, возвратившимся из Парижа, неизменный вопрос: «А что поделявает батюшка Пале-Рояль?» Однажды – дело было в первых числах февраля 1848 года – я сидел за одним из столиков, расположенных вокруг кофейной Ротонды (de La Rotonde) под навесом. Человек высокого роста, черноволосый с проседью, жилистый и сухощавый, в заржавленных железных очках со стеклышками серо-дымчатого цвета на орлином носу, вышел из кофейной, оглянулся и, вероятно, убедившись, что все места под навесом были заняты, подошел ко мне и попросил позволения подсесть к моему столику. Я, разумеется, согласился. Человек в серых очках не сел, а обрушился на стул, сдвинул на затылок свой ветхий цилиндр и, опершись костлявыми руками на суковатую палку, потребовал чашку кофе, а от поданной ему газеты отказался с пренебрежительным пожатием плеча. Мы обменялись немногими незначительными словами: помнится, он раза два воскликнул про себя: «Какое проклятое... проклятое время!» – торопливо выпил чашку и вскоре ушел; но впечатление, оставленное им, не тотчас во мне изгладилось. То был, несомненно, француз из южной Франции – провансалец или гасконец; его загорелое морщинистое лицо, ввалившиеся щеки, беззубый рот, глухой и как бы каркающий голос, самая одежда, истасканная, запачканная, словно не на него сшитая, – все говорило о беспокойной, страннической жизни. «Бывалый, ломаный, битый человек, – думалось мне, – он не только теперь в «подмазке»; он, вероятно, всю жизнь провел в тесноте да в подчинении; откуда ж это – не то невольное, не то сознательное чувство превосходства в выражении лица, в каждом движении, в самой походке, шмыгающей, небрежной? Бедняки – смиренные – так не ходят». Особенно поразили меня его глаза, темно-карие с желтоватыми белками; он их то раскрывал во всю ширину и устремлял прямо перед собою неподвижный и тупой взор, то странно ежил их, приподнимая взъерошенные брови и взглядывая боком через края очков... злая насмешливость загоралась тогда в каждой его черте. Впрочем, я недолго размышлял о нем в тот день: ожидание предстоявших банкетов в пользу реформы волновало весь Париж – и я принялся читать газеты.

На следующий день я опять отправился пить кофе в Пале-Рояль и опять встретился с вчерашним господином. Он первый поклонился мне, как знакомому. Слегка усмехнувшись и уже не испросив позволения – точно он знал, что свидание с ним должно мне быть приятным, – он поместился за моим столиком, хотя ни один из других столиков занят не был, и немедленно вступил в разговор, нисколько не чинясь и не стесняясь.

Прошло несколько мгновений...

– Ведь вы иностранец? Русский? – внезапно спросил он, медленно пошевеливая ложкой в чашке кофе.

– Что я иностранец – вы могли догадаться по моему выговору; но почему вы признали меня за русского?

– Почему? Вы сейчас сказали «pardon» – вот этак, с растяжкой: «pa-ardon». Одни русские так растягивают слова. Впрочем, я и без того знал, что вы русский.

Я хотел было попросить объяснения... Но он заговорил опять:

– Вы очень хорошо сделали, что приехали сюда именно теперь. Время любопытное для туриста. Вы увидите... большие дела («de grandes choses»).

– Что я увижу?

– А вот что. Теперь начало февраля... Месяца не пройдет – и Франция будет республикой.

– Республикой?

– Да. Но погодите радоваться... если только это вас радует. К концу года Бонапарты будут обладать (он употребил гораздо более сильное выражение) той же самой Францией.

Когда он упомянул о близости республики, я, конечно, ему ни на волос не поверил и только подумал: «Вот человек удивить меня хочет: благо я, в его глазах, неопытный скиф»... Но Бонапарты! с какой стати Бонапарты?! В тогдашнюю пору, при Лудовике-Филиппе, никто не думал о Бонапартах; во всяком случае, никто не говорил о них. Уж не наткнулся ли я на мистификатора? Или на одного из тех проходимцев, которые шатаются по кофейным и гостиницам, вынюхивая иностранцев, и кончают обыкновенно тем, что деньги взаймы просят? Однако нет: не такая у него повадка... Притом эта бесцеремонная развязность обращения, этот равнодушный тон, с которым он произнес свои парадоксы...

– Вы, стало быть, полагаете, что король не согласится ни на какую реформу? – спросил я после небольшого молчания. – Требования оппозиции, кажется, не велики...

– Да, да, да! (Connu, connu...) – небрежно промолвил он. – Расширение выборного права, допущение талантов, и т. д., Слова, слова, слова. Ни банкетов не будет, ни король не уступит, ни Гизо не захочет. А впрочем, – прибавил он, вероятно заметив то не совсем выгодное впечатление, которое он произвел на меня, – к черту политику! Делать ее – весело; смотреть, как другие ее делают, – глупо. Маленькие собачки так поступают, когда большие... наслаждаются жизнью. Маленьким остается одно: лаять или визжа. Будемте говорить о другом.

Не помню, о чем зашла наша беседа...

– Вы, конечно, бываете в театрах? – спросил он меня опять с той же внезапностью, которую я уже в нем заметил и которая заставляла предполагать, что он нисколько не слушает то, что ему говорят. – Ведь вы все, господа русские, до этого большие охотники.

– Бываю.

– И, вероятно, восхищаетесь нашими актерами?

– Да, иными... Особенно в Theatre Francais...

– Всех наших актеров, – перебил он меня, – губит хороший вкус. Эти традиции там, консерватории – беда! Все они какие-то выпотрошенные да замороженные. У вас в России такие рыбы бывают на рынках, зимой. Ни один из наших актеров не скажет на сцене: «Я люблю вас», не расставив ноги в виде циркуля и не закатив томно глаза. И все ради хорошего вкуса! Настоящих актеров можно найти только в Италии. Когда я жил в Италии... Кстати, что вы скажете о той конституции, которую король Бомба пожаловал своим верноподданным? Не скоро он им простит эту милость... не скоро! Ну... вот, когда я жил в Неаполе – на тамошнем народном театре такие водились молодцы... прелесть! Да всякий итальянец – актер. У них это в натуре... А мы только толкуем о натуральности. У нас даже на Пале-Рояльском театре никто не может потягаться с любым уличным проповедником... «Per le santissime anime del Purgatoriob¹ – воскликнул он вдруг певучим носовым голосом и, сколько я мог судить, очень похоже, с чистым итальянским акцентом.

Я засмеялся – и он засмеялся беззвучно, широко раскрывая рот и косясь через края очков.

– Однако... Рашель, – начал было я...

---

¹ «Клянись святейшими душами чистилища!» (ит.)

– Рашель, – повторил он. – Да; это сила. Сила и цвет того жидовства, которое теперь завладело всеми карманами целого мира и скоро завладеет всем остальным. У кого карман в руках, у того и женщина; а у кого женщина, у того и мужчина. (Qui a la poche, a la femme; et qui a la femme, a l'homme.) Да... Рашель! То же вот, что Мейербер, который все грозит да дразнит нас своим «Пророком». Дам... Нет, не дам... Ловкий человек; еврей – одним словом... маэстро, только не в музыкальном смысле. Впрочем, и Рашель в последнее время попортилась... а все вы, господа иностранцы, виноваты. В Италии есть одна актриса... ее зовут Ристори. Она, говорят, за какого-то маркиза вышла и сцену покинула. Хороша: только кривляется маленько.

– Вы долго жили в Италии? – спросил я.

– Да, пожил. Да где я не жил!

– Вы, кажется, и в России были?

– А музыку вы тоже любите? – промолвил он, не отвечая на мой вопрос – В оперу ходите?

– Я музыку люблю.

– Любите? Гм! любите? Понятное дело; вы – славянин, а все славяне – меломаны. Самое это последнее искусство. Когда оно не действует на человека – скучно; когда действует – вредно.

– Вредно? почему же вредно?

– Оно вредно – как слишком теплые ванны. Спросите докторов.

– Вот как! Ну – а о других искусствах вы какого мнения?

– Искусство только одно и есть: ваяние. Вот это холодно, бесстрастно, величаво – и зарождает в человеке мысль – или иллюзию, как угодно, – о бессмертии и вечности.

– А живопись?

– Живопись? Крови много, тела, красок... много греха. Голых женщин пишут! Статуя никогда гола не бывает. И к чему разжигать человека? Люди и так все грешны, преступны; все насквозь проникнуты грехом.

– Все без исключения? и все насквозь?

– Все! Вы, я, даже вот этот толстый холостяк с добродушным лицом, который покупает куклу в подарок чужому ребенку, а может быть, и своему – все преступны. У каждого в жизни есть уголовщина – и никто не имеет права сказать, что ему нет места на той пакостной скамейке, на которую сажают обвиняемых.

– Вам это лучше знать, – вырвалось у меня невольно.

– Именно так: мне это лучше знать. «Experto credi (вместо crede) Roberto»².

– Ну – а литература? Какое ваше мнение о литературе? – продолжал я свой экзамен. «Коли ты меня мистифицируешь, – подумал я, – почему ж и мне не потрунить над тобою? Ты же делаешь ошибку в латинской цитате, которой никто от тебя не требовал».

Незнакомец равнодушно усмехнулся – словно понял мою мысль.

– Литература не искусство, – промолвил он небрежным голосом. – Литература должна прежде всего забавлять. А забавляет только литература биографическая.

– Вы такой охотник до биографий?

– Вы меня не так поняли. Я разумею те произведения, в которых авторы рассказывают читателям о самих себе – напоказ себя выставляют – то есть на смех. Ничего иного люди настоящим образом знать не могут... да и то! Вот почему самый великий писатель – Монтень. Такого нет другого.

– Он слывет за великого эгоиста, – заметил я.

---

² «верь опытному Роберту» (лат.)

– Да; и в этом его сила. У него у одного достало смелости быть эгоистом – и посмешищем – до конца. Оттого он меня и забавляет. Прочту страницу, другую... посмеюсь над ним, над самим собою... и баста!

– Ну – а поэты?

– Поэты занимаются музыкою слов, словесной музыкой. А вы знаете мое мнение о музыке.

– Что же должно читать? И что должен, например, читать народ? Или вы полагаете, что народу читать не следует?

(Я заметил на одном из пальцев незнакомца кольцо с гербом; несмотря на его мизерный и обтерханный вид, мне сдавалось, что он должен придерживаться аристократических мнений; а быть может, и сам он по происхождению принадлежал аристократии.)

– Напротив, – отвечал он. – Народ должен читать; но что он читает – это совершенно безразлично. Говорят, ваши мужики все одну и ту же книжку читают. («Францыл Венецианец», – мелькнуло у меня в голове.) Дочитают один экземпляр – другой такой же купят. И прекрасно делают. Это придает им важности в собственных глазах и мешает им размышлять. А кто в церковь ходит – тому и вовсе читать не нужно.

– Вы придаете такое значение религии? Незнакомец покосился на меня через края очков.

– Я в Бога плохо верю, милостивый государь; но религия – дело важное. Служить ей... быть попом едва ли не лучшее звание. Попы молодцы; они одни постигли сущность власти: повелевать с смирением – и повиноваться с гордостью, вот и весь секрет. Власть... власть... обладать властью – другого счастья на земле нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.